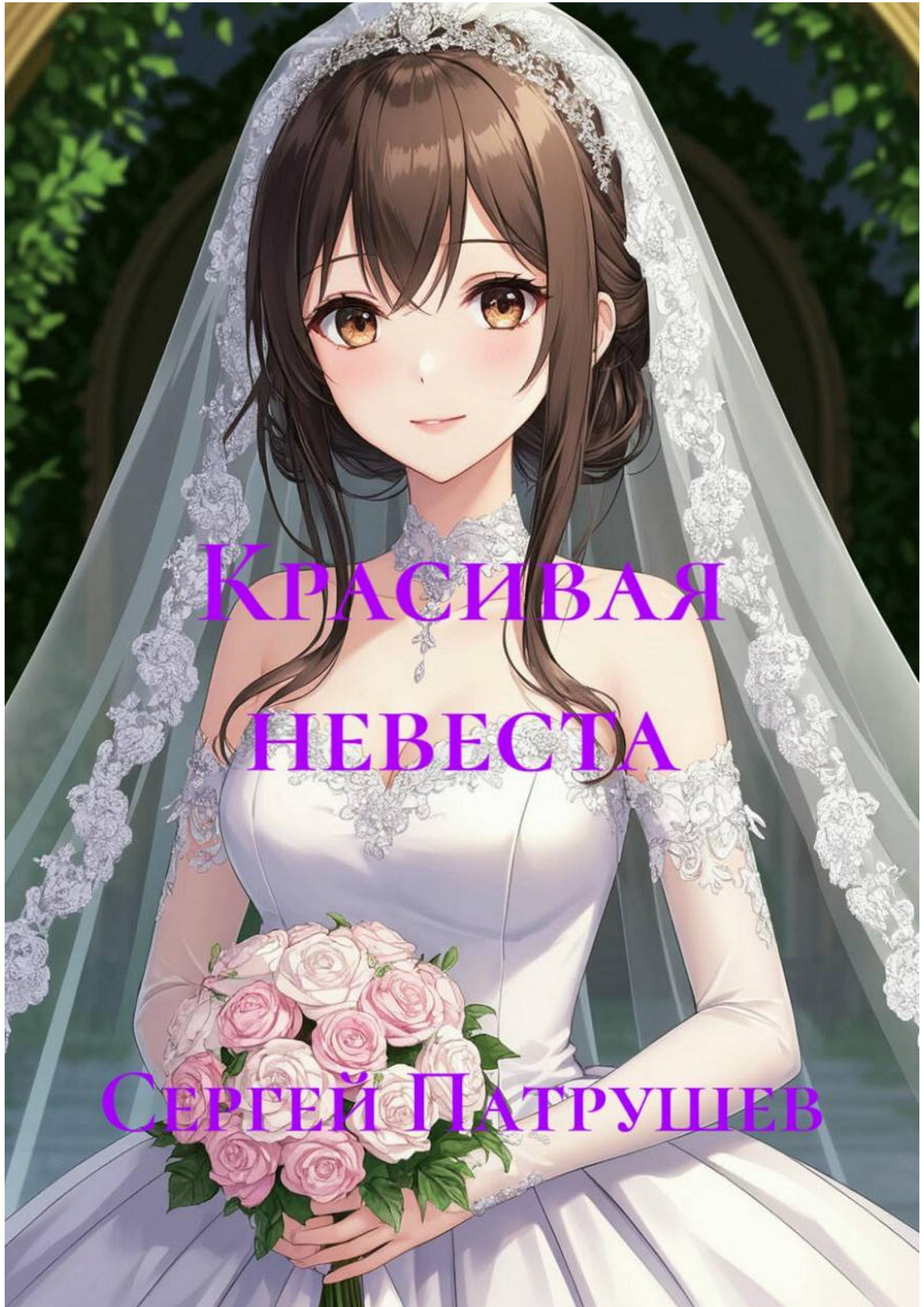

КРАСИВАЯ
НЕВЕСТА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Красивая невеста

«Автор»

2026

Патрушев С.

Красивая невеста / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где власть измеряется остротой клинка и глубиной поклона, Изабелла — аномалия. Дочь лесной глуши с манерами уличного мальчишки становится женой самого опасного человека Империи — Короля-Волка Артёма де Валеа. Она не умеет кланяться, зато громко хрустит яблоками на военных советах. Её магия пробуждается не от заклинаний, а от чиха сахарной пудрой или искреннего смеха над куском торта. Там, где аристократы плетут сети яда, она предлагает карамельки и делится сухарями с наёмными убийцами. Но её простота — это самое разрушительное оружие континента. Когда высший свет пытается сломить её презрением, мужчины империи готовы убивать друг друга за право подать ей салфетку. Послы вражеских держав присягают на верность, лишь бы увидеть, как эта «дикарка» запихивает в рот целую ножку кабана. Это история о том, как хаос побеждает порядок одним укусом эклера, а истинное королевство строится не на страхе, а на запахе свежей выпечки и абсолютной неуязвимости перед лицом здравого смысла.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Золотая пыльца	5
Глава 1. Ягодная лоза.	12
Гл	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Патрушев

Красивая невеста

Пролог. Золотая пыльца

Камень под босыми ногами жрицы был мертвенно-холодным, но сквозь его толщу пробивалось живое тепло — медленное, густое сердцебиение самой земли. Храм не строили из этих плит. Его высекли в чреве древнего вулкана, который уснул так давно, что люди забыли само слово «извержение», оставив лишь благоговейный трепет перед черными скалами.

Здесь царил вечный сумрак. Свет проникал внутрь только через единственное круглое отверстие в своде, расположенное с математической точностью древних зодчих. Прямо сейчас, в час абсолютной тишины между собакой и волком, луч луны падал вертикально вниз, выхватывая из мрака алтарь из цельного куска обсидиана. Он казался куском застывшей ночи, способным поглотить любой свет без остатка.

На алтаре лежала женщина. Её звали Кларисса, и она умирала.

Ее кожа, еще недавно смуглая и упругая, приобрела цвет старого пергамента. Губы посинели, а дыхание стало поверхностным, похожим на шелест сухих листьев. Она была дочерью знатного рода, женой человека, чье имя заставляло трепетать целые провинции, но здесь, в забытом храме забытой богини, ее титулы не имели веса. Власть принадлежала лишь боли, которая скручивала ее тело уже третьи сутки, и двум старым жрицам, чьи лица напоминали потрескавшуюся кору вековых деревьев.

Старшая жрица, Агата, стояла в изголовье. На ней не было ни богатых риз, ни золотых украшений, положенных служителям официальных культов. Только грубая льняная хламида цвета запекшейся крови. Седые волосы были распущены, змеясь по плечам, и в них запутались сухие травы: полынь для отпугивания теней, зверобой для защиты души и мята, чтобы облегчить путь ребенку в мир живых.

Агата подняла руки. Лунный луч прошел сквозь ее иссохшие пальцы, обратив их в белые кости. — Дыши, дитя порока и власти, — прохрипела она, обращаясь к роженице. Голос жрицы звучал как скрип несмазанных петель. — Твои грехи тяжелее свинца, но душа этого младенца чиста. Отдай ей свой последний вздох.

Кларисса открыла глаза. В них плескалась такая бездна отчаяния, что младшая жрица, стоявшая рядом с тазом теплой воды, невольно отшатнулась. Роженице было едва за двадцать. Ее брак продали ради союза двух домов, ее тело превратили в сосуд для наследника, а сердце выжгли дотла равнодушием мужа. Но сейчас, глядя в лицо старой Агаты, Кларисса видела не судьбу, а последнее пристанище.

Схватка скрутила ее снова. Крик вырвался из горла рваным, диким звуком, отразился от гладких вулканических стен и ушел глубоко под землю. И в тот самый миг, когда плоть наконец уступила, пропустив в холодный воздух крошечное, скользкое, багровое тельце, случилось невозможное.

Лунный луч дрогнул. Это не было движением облака или порывом ветра — снаружи царил мертвый штиль. Луч словно преломился в невидимой линзе, стал гуще, плотнее, налился тяжелым, маслянистым золотым сиянием. А затем с потолка посыпалась пыль.

Это не был песок времени или труха разрушающегося камня. Миллиарды микроскопических частиц сорвались со свода одновременно. Они не падали хаотично, подчиняясь законам тяготения. Они медленно кружились в лунном свете, сплетаясь в спирали, образуя над алтарем мерцающую воронку. Пыльца пахла озоном после грозы, медом диких пчел и чем-то неуловимо древним — запахом первого рассвета на планете. Там, где золотые искры касались

лись черного обсидиана, камень начинал тихо петь на частоте, недоступной человеческому уху, резонируя с костями. Там, где они оседали на коже младенца, покраснения исчезали, сменяясь здоровым персиковым румянцем. Там, где они задевали растрёпанные волосы умирающей матери, седина отступала, возвращая прядям угольно-черный цвет ее юности, прежде чем жизнь окончательно покинет тело.

Младшая жрица вскрикнула и прижала ладони ко рту. Вода в тазу пошла мелкой рябью, хотя храм стоял неподвижно.

Ребенок издал первый крик. Он не был похож на обычный плач новорожденного — требовательный, жалобный или испуганный. Звук был чистым, звонким и невероятно мощным. Казалось, одинокий голос маленькой девочки заполнил собой весь объем храма, вытесняя затхлый воздух древности. Младенец вдохнул полной грудью золотую взвесь, закашлялся, замолчал на секунду, а потом заплакал снова — уже обыкновенно, по-человечески, требуя тепла.

Агата шагнула вперед, переступая через рассыпанные травы. Ее движения, до этого скованные возрастом, обрели пугающую плавность. Она взяла ребенка на руки, завернула в заранее приготовленный кусок небеленого полотна и повернулась к лунному лучу. Золотая пыльца продолжала сыпаться, теперь уже редкими, ленивыми хлопьями, медленно тая в воздухе.

Жрица опустилась на колени прямо на ледяной каменный пол, бережно держа девочку перед собой. Глаза Изабеллы — ибо мать успела прошептать это имя последним выдохом — открылись. Они не были мутно-голубыми, как у всех новорожденных. Сквозь младенческую дымку уже проступал цвет расплавленного янтаря, пронизанный изнутри золотыми нитями того же света, что осыпался сверху. Ребенок смотрел на старуху осознанно, тяжело, словно оценивая ее прожитые десятилетия одним взглядом.

Агата прикрыла свои старые веки, переживая волну священного ужаса, прошедшую по позвоночнику. Когда она заговорила, ее голос изменился. Хрипота ушла, сметенная божественным присутствием. Теперь он звучал низко, гулко и неотвратимо, как приговор небесного суда. Слова больше не принадлежали сухой старухе; они вещали устами той, чей храм тысячелетиями зарастал пылью забвения.

— Ты пришла в крови и крике, дитя чужого ложа, зачатое в расчете, рожденное в муках, — произнесла богиня голосом Агаты, и эхо размножило звук, пустив его гулять по темным нефам. — Мать твоя уйдет во тьму с улыбкой, ибо выкупила твою жизнь ценой собственной. Отец твой проклянет день, когда узнал о тебе. Имя его станет пеплом на твоих губах, когда ты познаешь вкус справедливости.

Золотая пыльца на мгновение замерла в воздухе, повинувшись паузе в речи.

— Слушайте меня, духи камней! Слушай меня, спящий огонь под нашими ногами! Я, Афродита Урания, та, что правит любовью звезд и неизбежностью судеб, свидетельствую сегодня! Эта девочка не будет принадлежать людям. Она не найдет покоя в браке, не согреется у очага покорности. Ей тесно в клетках вашей морали.

Ветер, которого не должно было быть, ворвался в отверстие купола, взметнув остатки золотой пыли. Огонь единственной лампы у входа вспыхнул зеленым пламенем и погас, погрузив часть храма в абсолютную темноту.

— Она станет благословением для тех, кто забыл, как дышать свободно! — громыал голос, заставляя младшую жрицу упасть на спину в животном страхе. — Для узников чести, для женщин с выжженными душами, для мужчин, чья воля раздавлена чужими долгами. Она принесет им ветер перемен. Их цепи лопнут от одного звука ее шагов. По ее слову будут свергаться троны тиранов, разрушаться союзы, построенные на выгоде, и расцветать сады там, где десятилетиями лежал бесплодный камень. Она научит их любить себя больше, чем страх перед наказанием.

Агата сделала паузу, переводя дыхание. Тело смертной женщины сопротивлялось божественному вторжению, суставы хрустнули, протестуя против напряжения.

— Но то, что для одних — свобода, для других — гибель, — тон голоса резко упал, став вязким, как деготь. Каждое следующее слово давило на барабанные перепонки, вызывая физическую тошноту. — Она станет проклятием для тех, кто построил свое золото на слезах. Для хранителей старых законов, которые пишут правила кровью слабых. Для великих мужей, измеряющих любовь количеством владений. Она придет в их безупречные дома, в их династии, выстроенные веками, и дыханием своим отравит источник их гордыни. Где ступит ее нога, там истлеют родовые грамоты. Кому она протянет руку в искреннем сочувствии, тот потеряет рассудок от страсти, сожжет свои корабли и забудет имена собственных детей. Она — зеркало. И те, кто увидят в нем собственное уродство, возненавидят стекло.

Пыльца прекратила падать. Лунный луч вновь стал обычным — холодным, бледным, призрачным серебром. Магия схлопнулась, оставив после себя звенящую тишину и запах озона.

Тяжесть в воздухе рассеялась. Богиня покинула старую женщину. Агата пошатнулась, схватившись рукой за край алтаря, чтобы не рухнуть лицом в черный камень. Старость навалилась на нее разом, тысячей острых иголок вонзаясь в мышцы. Она дрожала всем телом, хватая ртом воздух.

Младшая жрица ползла по полу, размазывая слезы по грязным щекам. Священный ужас сменился паникой. Служители официальной церкви Империи сжигали людей заживо за куда меньшие знамения. За разговоры с духами, за святую воду, за исцеления наложением рук. Забытый храм богини Любви, практиковавший запретные таинства женской силы, был вне закона. Если имперские ищейки узнают о золотом дожде...

— Тихо, — просипела Агата, обретая власть над собственным языком. Она говорила уже своим, сухим и надтреснутым голосом. — Закрой рот. Собери травы. Девочку нужно спрятать до рассвета.

Она посмотрела на алтарь. Кларисса больше не дышала. На лице мертвой женщины застыло умиротворение, которое бывает лишь у тех, кто выполнил последнюю и самую важную работу в своей жизни. Рядом с ее безвольно откинутой рукой лежал тяжелый перстень-печатка ее мужа — единственный предмет, который она потребовала принести с собой. Агата сняла его с пальца покойницы. Золото металлурга осталось тусклым, оно не приняло благодати.

— Благословение и проклятие... — пробормотала старуха, осторожно передавая притихшего младенца младшей жрице. — Как будто одно может существовать без другого. Запомни этот день, Лисса. День, когда небо истекало золотом на наш черный камень. Мир ждал эту девочку тысячу лет. И он не простит нам, если мы вырастим из нее овцу.

Младенец Изабелла зевнула, показывая беззубые десны, и снова засопела, крепко сжимая в маленьком кулаке несколько приставших к ткани крупниц остывающей золотой пыли. Она не знала, что стала оружием. Оружием, которому предстояло выбрать свою сторону самостоятельно.

Запах сырости въелся в легкие настолько глубоко, что Изабелла сомневалась, сможет ли она когда-нибудь снова почувствовать аромат роз. Здесь, в нижнем ярусе цитадели герцога де Валор, розы росли только на фамильных гербах, вышитых на гниющих от плесени гобеленах. Настоящие цветы стоили дороже недельного рациона всей западной башни, где содержались государственные изменники и неудобные бастарды.

Двадцать два года. Семь тысяч шестьсот сорок дней. Изабелла вела счет не столько времени, сколько ударам собственного сердца, отсчитывая их по каплям воды, падавшим с низкого сводчатого потолка в углу камеры. *Кап. Пауза. Кап.* Каждая капля отдавалась в висках тупым набатом. Это был единственный метроном ее существования.

Свет сюда не заглядывал никогда. Единственным источником освещения служил жирный фитиль глиняной плошки, заправленной прогорклым китовым жиром. Фитиль трещал и коптил, рисуя на влажных стенах пляшущие тени, которые порой складывались в силуэты

демонов. Демоны пугали ее только первые пять лет заключения. Потом стали единственными собеседниками.

Изабелла сидела на охапке прелой соломы, подтянув колени к груди. На ней было платье из самого грубого мешковины, которое даже рабыня побрезговала бы поднять с пола. Оно натирало кожу до кровавых ссадин, но холода она почти не чувствовала. Холод был внешним, а внутри нее вот уже десять лет бушевал пожар, который герцог де Валор так отчаянно пытался залить камнями и цепями.

Скрежет тяжелого засова заставил ее вздрогнуть. Не от страха — страх атрофировался вместе с чувством стыда много лет назад — а от нарушения монотонности. Визиты стражи делились на три вида: принесенная раз в трое суток баланда, вызывающая омерзение; вынос параша; и допросы.

В камеру вошел не тюремщик. Тюремщики носили стеганные куртки, воняли дешевым элем и передвигались шаркающей походкой. Этот двигался бесшумно. Кожаные сапоги мягкой выделки не издавали ни звука по мокрому камню. Пламя плошки испуганно метнулось в сторону, бросив на вошедшего полосу света.

Мужчина был одет в черное. Черный бархат колета, черные шелковые перчатки, скрывающие кисти рук, и глухая маска из полированного дерева, закрывающая верхнюю половину лица. Оставались только губы — тонкие, бескровные, жестко сжатые в линию, выдающую бесконечное презрение ко всему живому.

Инквизитор. Или Тайный Канцлер. Подручные Великого Герцога редко утруждали себя представлением.

Он остановился в трех шагах от нее, изучая фигуру пленницы. Изабелла знала, что выглядит чудовищно. Волосы, некогда бывшие предметом зависти ее нянек — тяжелые, цвета старого золота — сбились в колтуны, пропитанные грязью и салом. Кожа, белая как алебастр в детстве, стала серой, землистой. Но она чувствовала его взгляд не на своих лохмотьях. Он смотрел на ее руки.

Руки были единственным, что тюрьма не смогла забрать. Тонкие, длинные пальцы, сохранившие аристократическую лепку, спокойно лежали на коленях. Ногти были коротко обломаны, но сами пальцы не дрожали.

— Встань, — голос инквизитора был лишен возраста. Сухой, бумажный шорох.

Изабелла не шевельнулась. Сидеть в присутствии высшего чиновника Империи каралось плетью, но встать означало проявить готовность к сотрудничеству. А сотрудничать ей было решительно не с чем.

— Я сказал, встань, — повторил он, и в руке у него щелкнул скрытый механизм. Из широкого рукава выскользнуло лезвие тонкой стальной спицы.

Изабелла медленно поднялась. Суставы отозвались протяжным скрипом. Десять лет полусогнутого положения украли у нее рост, превратив высокую девушку в сутулую, бледную тень.

Инквизитор сделал шаг вперед. Он обошел ее по кругу, как мясник обходит тушу на крюке. Затем резко выбросил руку вперед. Стальная спица молниеносно распорол рукав ее мешка от плеча до локтя. Воздух коснулся обнаженной кожи, обжигая холодом.

Изабелла закрыла глаза. Сейчас начнется самое страшное. Металл. Инквизиторы знали о ее тайне, иначе зачем бы посылали человека в маске? Обычные пытки — дыба, клещи, огонь — были неэффективны. Боль физическая странным образом питала ту силу, которую она носила в себе, делая ее лишь злее. Но металлы благородных кровей действовали иначе.

— Двадцать два года, — произнес человек в маске, проводя кончиком спицы по ее ключице. Лезвие оставляло за собой тонкий красный след, из которого выступила капелька крови. — Император начинает проявлять нетерпение. Затраты на содержание этой башни растут. Герцог пишет доклады о том, что ваша природа подавлена. Мы видим обратное.

Спичка царапнула впадинку у основания шеи. Изабелла втянула воздух сквозь зубы. Кожа покрылась мурашками, но не от холода. Серебро. Спица была серебряной. Чертовое лунное серебро высшей пробы, используемое для чеканки монет двора. Оно блокировало ток крови, искажало магнитные поля вокруг живого тела и вызывало у таких, как она, приступы оглушающей, дезориентирующей слабости, схожей с морской болезнью.

— Доклады лгут, — хрипло ответила Изабелла. Ее собственный голос показался ей чужим — слишком низким, прокуренным молчанием. — Природу нельзя подавить. Можно лишь загнать болезнь внутрь, пока гной не разорвет тело.

Инквизитор удовлетворенно хмыкнул. Похоже, именно такой метафоры он и ждал. — Красиво сказано для дочери шлюхи. Впрочем, яблоко от яблони... Твоя мать тоже любила красивые слова. Перед смертью она много болтала о любви. Об истинной свободе чувств. Жаль, стены этого подвала плохо проводят звук, иначе бы ты могла насладиться ее вокализмами.

Удар пришелся откуда не ждали — не физический, но ядовитый. Яд попал точно в цель. Образ матери, которую Изабелла почти не помнила визуально, но чье тепло навсегда впечаталось в подсознание, качнулся. Свободу... Да, мать говорила о свободе. И оставила дочь в руках убийц, надеясь, что смерть самой Клариссы купит ребенку жизнь. Купила. Целых семь лет относительного спокойствия в загородном поместье под присмотром фальшивых опекунов, прежде чем Великий Герцог решил, что золотую жилу пора разрабатывать всерьез.

— Она кричала, когда сталь входила в ее печень? — ровным голосом спросила Изабелла. — Или красота ее речей закончилась быстрее, чем закончился воздух в легких?

Маска не изменилась, но воздух в камере стал заметно холоднее. Инквизитор не терпел дерзости от государственного имущества. Государственное имущество должно знать свое место — распростертым на полу.

— Смелость хороша, когда есть надежда на спасение, — процедил он. — Здесь надежды нет. Есть только степень полезности. Полезность определяется лояльностью. Лояльность проверяется болью.

Он перехватил спицу удобнее, зажав ее между средним и указательным пальцами, как стилус. — Сегодня мы будем говорить о вашем происхождении. Официальная версия гласит, что вы — плод преступной связи графини де Морлей. Версия красивая, трагичная, отлично подходящая для жалостливых песен менестрелей, если бы вас когда-нибудь выпустили отсюда. Но менестрелям не рассказывают правду. Правду знаю я.

Спица кольнула ее чуть ниже пупка. Серебряный холод растекся по мышцам живота мерзкой тяжестью. — Вы родились в Черном Храме. При вас с неба падало золото. Старая карга Агата провозгласила вас воплощением Высшей Любви. Той самой, что уничтожает границы, государства и семьи.

Изабелла почувствовала, как к горлу подступает смех. Истерика, сотканная из абсурда. Они искали политическую угрозу там, где была просто сломанная жизнь. — Любовь уничтожает? — переспросила она, стараясь держать голову ровно, несмотря на нарастающее головокружение от серебра. — Мне казалось, она созидает. Дети, браки, союзы...

— То, что вы называете любовью — лишь удобный инструмент управления стадом, — отрезал инквизитор. — Удобный повод заставить мужчину платить налоги и женщину — терпеть побои. Ваша... порода... понимает под этим словом иное. Хаос. Всеобщий, всепоглощающий обмен жидкостями и вольностями. Ваш праматерь подарила миру похоть, прикрыв ее именем чувства. И вы намерены завершить начатое. Разрушить Империю до основания, начав с алькова Императора.

Он наклонился ближе. Из-под края маски пахло дорогим парфюмом и застарелым табачным дымом. — Где медальон, Изабелла? Тот, что висел на вас в ночь рождения. Черный агат в золотой оправе. Символ вашего права.

Вот оно что. Дело вовсе не в политике. Дело в артефакте. Амулет Первоначала, ключ к силе храма. Агата успела сорвать его с шеи новорожденной и спрятать, прежде чем солдаты герцога вырезали всех жриц. Без амулета Изабелла оставалась лишь девочкой с аномально высокой жизненной силой и даром внушать окружающим непреодолимую симпатию. С ним же... с ним она становилась непредсказуемой переменной в уравнении власти.

— Понятия не имею, — честно ответила она. — Меня раздели догола, когда бросили сюда. Искать тряпичный мешочек стража поленилась.

Это была правда лишь отчасти. Мешочка не было, но маленький кусочек золотой пылицы — той самой, из легенды — всегда находился при ней. Один-единственный кристаллик, вплавившийся в мозоль на большом пальце правой ноги, когда она ребенком наступила на него босиком. Стража действительно не нашла его. Никто не ищет сокровища в грязи под ногтями и ороговевшей коже заключенного.

Инквизитор выпрямился. Разочарование сделало его позу напряженной, как натянутая тетива. — Ложь. Мы знаем, что он у вас. Ваше сопротивление металлу ослабевает, когда вы спите. Наши люди заходили в камеру. Медальона не было под соломой. Значит, он на теле.

Он поднял спицу выше, направив ее в центр грудной клетки Изабеллы, прямо между грудей. — Последний шанс отдать добровольно. Серебряный наконечник войдет в межреберье быстро. Будет больно всего пару мгновений. А потом ваше мятежное сердце просто перестанет биться в конвульсиях, заблокированное магией металла. Чистая, достойная смерть. Гораздо лучше, чем сгнить здесь от лихорадки.

Изабелла посмотрела на блестящее острие. Страх никуда не делся, он сидел глубоко в животе холодным слизнем, но разум работал ясно. Если она отдаст золото — настоящее золото ее судьбы — они заберут все. Если она умрет сейчас, игра закончится. Герцог де Валор выиграет. Империя продолжит стоять на костях.

А главное... она вдруг поняла одну вещь, простую и ясную, как эта капающая вода. Она устала бояться. Устала быть жертвой чужой истории.

— Вы ничего не знаете о любви, господин в маске, — сказала она очень тихо, но акустика камеры усилила звук. — Вы думаете, это медальон дает мне силу. Вы ищете камень. Древесину. Внешнюю подпорку.

Она медленно, контролируя каждое движение сведенных судорогой мышц, подняла правую руку. Серебряная спица дернулась следом, готовая ударить при малейшей агрессии. Но Изабелла не собиралась нападать. Она коснулась своего левого предплечья, закатав ветхий рукав. Под кожей, переливаясь в тусклом свете жирника, ветвился сложный узор татуировки. Черные линии переплетались с золотыми. Рисунок пульсировал в такт ее сердцу.

— Моя сила здесь, — прошептала она. — Храм запечатлел меня. Каждый вздох этого подземелья пропитан его камнем. Вы можете убить мое тело. Но вы никогда не вытащите храм из моей крови. Попробуйте вашу игрушку. Посмотрим, чье сердце сдастся первым — ваше, защищенное маской и титулом, или мое, открытое всему миру.

Она развела руки в стороны, открывая грудь. Жест абсолютной капитуляции или абсолютного безумия. — Ну же. Несите мне освобождение. Или боитесь, что золото на моем пальце окажется сильнее вашего серебра?

Инквизитор молчал долгих десять ударов сердца. Изабелла физически ощущала, как работают шестеренки в его голове. Убивать ценную заложницу без приказа Короны — государственная измена. Уходить ни с чем — признать поражение перед девчонкой, которая мочится в ведро.

Он опустил руку. Механизм в рукаве сухо щелкнул, убирая спицу. — Вы глупы, леди Изабелла, — бросил он, разворачиваясь к двери. — Ваша риторика красива, но бесполезна. Завтра мы приведем крысу. Живую. И прибьем ее хвост к вашему левому бедру. Посмотрим,

как долго вы будете рассуждать о природе любви, когда грызуны начнут выгрызать вам внутренности. Металл тут не поможет. Крысы любят теплое мясо.

Дверь захлопнулась с оглушительным лязгом. Засов лег в пазы. Снова наступила темнота, разбавленная лишь сизым дымом.

Изабелла позволила своему телу обмякнуть. Ноги подкосились, и она рухнула обратно на солому, больно ударившись копчиком. Ее трясло. Не от упоминания крыс — за годы в клетке она видела вещи и пострашнее. Ее трясло от адреналина и внезапного, острого, почти болезненного чувства голода.

Не по еде. По жизни.

Она вытянула ногу, слепо нащаривая в темноте угол, где скапливалась грязь. Провела большим пальцем по шершавому, влажному камню. Мозоль отозвалась знакомым зудом. Изабелла поднесла палец к самым глазам, напрягая зрение в полумраке.

Маленькая песчинка. Размером меньше макового зерна. Желтого цвета.

Она поднесла палец ко рту и аккуратно, кончиком языка, отделила золото от кожи. Положила драгоценную крупичку за щеку. Золото начало медленно растворяться, наполняя рот вкусом солнечного света, меда и свободы.

Оно не давало магии в привычном понимании — фаерболов или полета. Оно действовало тоньше. Оно входило в резонанс с базовыми желаниями любого живого существа, находящегося поблизости.

Изабелла закрыла глаза, позволяя золоту разойтись по венам горячим приливом. Она сосредоточилась. Не на ненависти к человеку в маске. Не на страхе перед завтрашними крысами. Она сосредоточилась на желании. На самом примитивном, самом глубоком инстинкте, который живет даже в самых черных сердцах.

Желании обладать. Желании взять то, что ему не принадлежит.

Где-то высоко наверху, в роскошных покоях донжона, начальник стражи герцога де Валор внезапно отложил отчет о поставках фуража. Ему невыносимо захотелось пить. Нет, не вина. Ему захотелось спуститься в погреба, туда, где хранятся личные сбережения коменданта крепости. Сундук с пожертвованиями паломников. Старый железный ящик, который никто не открывал годами, потому что замок заржавел.

Начальник стражи облизнул пересохшие губы. Железо... ржавое железо замка почему-то показалось ему слаще сахара.

А далеко внизу, в камере, Изабелла улыбнулась в темноте. Улыбка вышла хищной и совершенно неуместной для святой мученицы.

Золотая пыльца начала свой путь наверх. Проклятие просыпалось вслед за благословением.

Глава 1. Ягодная лоза.

Солнце в долине Арандель не знало пощады. К полудню оно превращало воздух над виноградниками в дрожащее, густое марево, пахнущее сухим перегретым камнем, пылью и сладким соком лопнувших ягод. Жара стояла такая плотная, что ее, казалось, можно было резать ножом.

Изабелла выпрямилась, уперев изогнутую садовую пилку в бедро. По спине под грубой льняной рубахой текла струйка пота, щеоча кожу между лопаток. Волосы, которые десять лет назад сравнивали с расплавленным золотом, выгорели добела, словно старая солома, и теперь торчали во все стороны упрямыми прядями, стянутые на затылке простой пеньковой веревкой. Лицо обветрилось, нос облупился, а на высоких скурах цвел густой загар цвета темной бронзы.

Она была красива той дикой, необузданной красотой, которая заставляет столичных кавалеров спотыкаться на ровном месте, но здесь, среди каменистых склонов баронства Валери, вызывала лишь добродушные усмешки. Местные звали ее просто Белли — девчонка-сирота при ткачихе Марте, слишком шумная для приличного общества и слишком сильная для хрупкой девицы.

— Смотри, пупок надорвешь, ваше высочество! — крикнул снизу старый Ганс, главный виноградарь поместья. Его лицо напоминало печеное яблоко, сплошь покрытое сеткой морщин. Он сидел в скудной тени старой оливы, перебирая лозу.

Изабелла фыркнула так громко, что пара воробьев испуганно вспорхнула с соседнего куста. Она сидела верхом на толстой ветке старого корявого дерева, нависающего прямо над шпалерами, и методично обрезала лишние побеги «Ягодной лозы» — редкого сорта, который давал самый сладкий, почти медовый сок, идущий на вино для причастия самого епископа.

— У меня нет пупка, дедушка Ганс! — проорала она в ответ, перекрикивая трескотню цикад. — Я родилась сразу в штанах и с кинжалом в зубах!

Ветка под ней опасно качнулась. Изабелла намеренно раскачивалась сильнее, чем требовала работа, балансируя босыми ногами на скользкой коре. Внизу, меж рядов винограда, трудились женщины: вдовы, чьи мужья сгинули в пограничных стычках, и молодые девушки, еще не успевшие найти себе женихов до осенней ярмарки. Они двигались медленно, экономя силы, прикрывая головы широкими соломенными шляпами. Их движения были плавными, усталыми, ритуальными.

Движения Изабеллы всегда походили на взрыв. Она хватала секатор, отсекала старую древесину одним точным щелчком металла, перехватывала гроздь, пробовала ягоду на вкус, выплевывала косточку далеко вниз и тут же тянулась за следующей.

Солнце припекало макушку. Жажда становилась невыносимой, оседая сухой солью на губах. Изабелла ловко, подобно белке, спустилась по стволу вниз, игнорируя приставленную деревянную лестницу. Приземлившись на мягкую землю, подняв облачко пыли, она отряхнула ладони о штаны и направилась к бочке с водой.

У общинной кадки уже толпились дети. Пятилетний Томми, сын кузнеца, размазывал грязь по лицу рукавом, пытаясь удержать равновесие на краю. Рядом копошилась его сестренка Агата, прижимая к груди тряпичную куклу без одного глаза.

— Осторожнее, мелкота, перевернете! — гаркнула Изабелла, подходя сзади.

Дети взвизгнули и обернулись. Увидев свою любимицу, они мгновенно забыли о страхе наказания. Агата бросила куклу в пыль и повисла у Изабеллы на поясе. — Белли! Ты достанешь нам птичье гнездо? То, где пятнистые яички? — Сначала дело, потом грабежи садов, — строго ответила девушка, хотя уголки ее губ предательски поползли вверх. — А ну-ка, разойдись.

Она зачерпнула воду тяжелым жестяным ковшом. Вода была ледяной, только что со дна колодца, пропахшая мхом и железом. Изабелла сделала первый долгий глоток. Зубы заломило

от холода. Она выдохнула, утерла рот тыльной стороной ладони и плеснула остатки воды себе на шею. Мокрая ткань рубахи мгновенно прилипла к телу, четко обрисовав крепкую, мальчишескую фигуру. Высокая грудь, узкая талия, сильные ноги, привычные к многочасовым переходам по горным тропам.

Напившись, она протянула ковш детям. Те принялись черпать маленькими глиняными плошками, плескаясь и хохоча. Брызги летели во все стороны, охлаждая раскаленный воздух.

— Эй, сиротка! — раздался вдруг тягучий, как смола, голос. — Не лей господскую воду попусту. От нее брюхо пучит.

Изабелла замерла с ковшом в руке. Медленно повернула голову.

Под широким навесом из парусины, где стояли плетеные кресла для отдыха господ, сидели две фигуры. Баронесса Элеонора де Валери и ее младшая сестра, леди Кларисса. Обе затянутые в тугие корсажи несмотря на жару, лица скрыты под шелковыми веерами. Платья из лионского батиста стоили больше, чем весь годовой урожай их небогатого баронства.

Элеонора опустила веер. Ее губы, накрашенные помадой из свеклы и жира, кривились в брезгливой усмешке. — Твое место в поле, милочка. Среди грязи. Когда ты начинаешь изображать благодетельницу перед оборванцами, это выглядит... непристойно. Иди, помоги Гансу чистить чаны. Там твоя стихия — навоз и кислятина.

Воздух вокруг Изабеллы стал вязким. Это было знакомое чувство, зарождавшееся где-то в солнечном сплетении. Теплая волна, поднимающаяся вверх по пищеводу. Ей было семнадцать, и последние пять лет жизни в замке Валери научили ее одному: гнев делает ее опасной. Когда она злилась по-настоящему, вещи вокруг начинали вести себя странно. Молоко скисало в крынках, свечи вспыхивали зеленым огнем, а люди внезапно теряли нить разговора и начинали нести откровенную чепуху или признаваться в постыдных тайнах.

Баронесса смотрела на нее выжидающе, ожидая слез, поклона или дерзкого ответа, за который девушку можно будет отправить на конюшню.

Изабелла медленно улыбнулась. Улыбка вышла широкой, открытой и совершенно лишенной страха. — Вы правы, госпожа, — сказала она ласково, голосом, полным меда. — Навоз — вещь полезная. От него растет хлеб. А вот от чего растете вы, сударыня? Судя по цвету вашего лица, исключительно от зависти к чужому аппетиту.

Леди Кларисса ахнула и подавилась воздухом. Баронесса побагровела так стремительно, что стоявший рядом управляющий невольно сделал шаг назад, боясь, что хозяйку хватит удар.

— Да как ты смеешь, дрянь?! — прошипела Элеонора, вскакивая на ноги. Шелест дорожных юбок прозвучал как змеиное шипение. — Мой брат, светлой памяти барон, подобрал тебя из жалости! Одел, обул! А ты, крестьянское отродье, позволяешь себе...

— Жалость — дырявый плащ, госпожа, — перебила ее Изабелла. Она поставила пустой ковш на край бочки с такой осторожностью, будто он был сделан из хрусталя. — Под ним холодно обеим сторонам. Мне пора работать, пока солнце не сварило ваши драгоценные ягоды прямо на ветках. Хорошего дня.

Она развернулась спиной к онемевшей аристократии. Спиной она чувствовала тяжелый, полный бессильного бешенства взгляд. Но удара палкой или приказа страже не последовало. Баронесса ненавидела ее лютой ненавистью, но панически боялась. После того случая два года назад, когда Изабелла в сердцах пожелала управляющему провалиться сквозь землю, и тот действительно оступился на винтовой лестнице, сломав три ребра, слуги стали обходить воспитанницу сиротского дома десятой дорогой. Сама Изабелла списывала это на случайность, но липкий осадок тайны прочно поселился в ее душе.

Она вернулась к лозе. Работа пошла быстрее. Злость придала рукам точности. Обрезка, подвязка, сбор падалицы. К трем часам пополудни корзины наполнились доверху. Плечи были приятной, здоровой усталостью.

Когда колокол на часовне замка ударил четыре раза, сигнализируя конец тяжелого труда, женщины начали собираться. Староста Винченцо, морщинистый старик с прокуренными желтыми усами, подошел к каждой паре рук, выдавая монеты — тусклые медяки, завернутые в промасленную бумагу.

— Держи, пламенная душа, — сказал он, протягивая сверток Изабелле. — Сегодня двойная порция. За ту корзину, что ты одна собрала на восточном склоне. Либо ты ведьма, либо дьявол дал тебе лишнюю пару рук. — Просто я люблю поесть, дядюшка Винченцо, — рассмеялась Изабелла, пряча деньги в кожаный мешочек на поясе. — А чтобы хорошо есть, нужно хорошо работать.

Она первой сбежала по крутой тропинке вниз, к ручью, протекавшему вдоль границы полей. Там, под старыми ивами, уже разворачивали общую трапезу. На расстеленных холстинах лежал сыр, кругляши кровяной колбасы, ржаной хлеб с толстой хрустящей коркой и главное сокровище — огромная оплетенная бутылка молодого эля.

Изабелла плюхнулась на траву рядом с женой мельника, тяжело дыша. Воздух у реки был прохладным, пах озоном и мокрыми камнями. Кто-то сунул ей в руки тяжелую глиняную кружку. Эль был горьковатым, с привкусом дикого хмеля, пузырился на языке и бил в нос. Изабелла сделала большой глоток, чувствуя, как живительная прохлада расходится по жилам.

— Благодать, — выдохнула она, утирая пену верхней губой.

Рядом захихикали. Сидящая напротив дочь булочника, пухленькая Розетта, толкнула ее локтем: — Белли, ты ешь так, будто завтра война. Куда в тебя лезет? Третий кусок свинины тянешь. — В меня лезет жизнь, Роза, — философски заметила Изабелла, с наслаждением впиваясь зубами в сочное мясо. Жир потек по подбородку. Она даже не подумала его стереть. — Еда — это единственное, что нельзя отобрать окончательно. Можно забрать дом, имя, свободу. Но то, что превратилось в мою кровь и силу, принадлежит только мне.

Она говорила громко, нисколько не смущаясь присутствием старших. Этикет, которому ее пыталась обучать покойная жена прежнего барона, казался Изабелле самой бесполезной вещью на свете. Зачем говорить тихо, если горло полно сил? Зачем держать спину прямой, как жердь, если хочется танцевать? Зачем прятать руки в перчатках, если ими можно гладить собак и месить тесто?

Закончив с четвертым куском пирога, она сыто рыгнула, перекрестила живот и блаженно откинулась на спину, заложив руки за голову. Над ней смыкали кроны старые ивы, создавая живой зеленый купол. Сквозь листву просвечивало синее небо.

— Вот бы сейчас ливень, — мечтательно протянула она. — Чтобы холодный-холодный. И лужи по колено. — Типун тебе на язык, — проворчала мать Розетты. — Хлеб еще в полях. Высохнет всё. — Значит, будем просить другой дождь, — сонно отозвалась Изабелла, закрывая глаза. — Золотой.

Ей снились странные сны. Даже бодрствуя, она часто видела обрывки чужой жизни. Каменные стены, запах ладана и крови, маленькая девочка в железной клетке, играющая золотой монетой. Эти видения приходили сами собой, особенно когда она была расслаблена или пьяна. Иногда ей казалось, что та заплаканная девочка в клетке — это она сама, только прожившая другую, страшную судьбу. Но сегодня мысли были легкими.

Сквозь дремоту она слышала голоса женщин. Обсуждали налоги нового королевского мытаря, неудачное сватовство сына шорника и новую моду на высокие пудренные парики, пришедшую из столицы.

— Говорят, герцогиня Орлеанская ест один лимон в день, вымоченный в уксусе, чтобы сохранять талию в восемнадцати дюймах, — донесся до Изабеллы шепот леди Клариссы, которая зачем-то пришла проверять работу прислуги лично. — А эта... посмотри на нее. Разлеглась, как свинья в луже. Ни осанки, ни стыда. Рот до ушей. Как наш добрый барон

Себастьян собирается выдавать замуж такую бесприданницу с такими манерами? Разве что какому-нибудь лесорубу из Северного удела.

Изабелла открыла один глаз. Леди Кларисса стояла совсем близко, прячась за веером, думая, что спит.

«Восемнадцать дюймов», — мысленно повторила Изабелла. — «Бедная женщина. Наверное, она очень несчастна и злится на свой кишечник».

Она решила преподавать урок незаметно. Не открывая глаз, она сосредоточилась на веере в руках сестры баронессы. Тонкие пластинки пергамента, скрепленные костяным шарниром. Простая физика. Изабелла представила, как клей внутри шарнира становится мягким, как воск на июльском солнце.

Раздался громкий, влажный хлопок, похожий на выстрел пробки из бутылки. Веер в руках Клариссы развалился пополам. Резные костяные пластины посыпались в дорожную пыль, а ошметки пропитанного клеем пергамента остались висеть на пальцах дворянки.

Кларисса взвизгнула так пронзительно, что с ближайшей ивы сорвалась стайка птиц. Женщины вокруг повскакивали с мест. — Мыши! — завопила Кларисса, тряся руками. — Мерзкие мыши отгрызли мой веер! Прямо из рук! Господи, какая гадость! Меня коснулось нечто грязное!

Она начала метаться по берегу, высоко задирая юбки и топая ногами, словно танцую безумную джигу, пытаясь сбросить невидимых грызунов.

Изабелла чуть заметно улыбнулась, не меняя позы. Она знала, что никаких мышей там не было. Просто деревяшка не выдержала сухости. Или нитка перетерлась. Совпадение. Очередное счастливое совпадение, которое почему-то случалось всякий раз, когда кто-то говорил о ней гадости.

— Успокойтесь, леди, это просто гниль! — басовито прогудела жена кузнеца, поднимая обломки. — Дерево старое. Купите новый в городе, делов-то.

Кларисса продолжала всхлипывать, размазывая сажу (которой она подводила глаза) по щекам. Ее истерика привлекла внимание спускающегося по тропе человека.

Это был молодой человек лет двадцати трех, одетый скромно, но добротнo. Высокие сапоги мягкой кожи забрызганы дорожной грязью, камзол хорошего сукна расстегнут на груди, волосы цвета влажной меди растрепаны ветром. Он вел в поводу двух лошадей — каурого мерина и изящную серую кобылу. На боку у него висела тяжелая кожаная сумка с инструментами, какие носят землемеры или лекари.

Он остановился, увидев сцену: группу смеющихся крестьянок, разъяренную даму с остатками веера и спящую в тени девушку в мужской рубаше, обнажившую загорелые колени. Незнакомец несколько секунд молчал, разглядывая Изабеллу. В его взгляде не было оценивающего мужского интереса, столь привычного для местных стражников. Было что-то иное — внимательное, цепкое, профессиональное любопытство натуралиста, встретившего редкий цветок в дикой чаще.

— Прощу прощения, — наконец произнес он. Голос у него оказался глубоким, с легкой хрипотцой. — Я ищу дорогу к поместью барона Себастьяна де Валери. Кажется, я сбился с пути.

Женщины почтительно притихли. Путники такого вида редко заглядывали в эту глушь.

Изабелла села, подтянув колени. Сонливость сняло как рукой. Она почувствовала кожей изменение воздуха. От этого парня пахло не потом и лошадьми, как полагается путнику. От него пахло жженым миндалем, старым пергаментом и едва уловимым металлическим озоном — запахом приближающейся грозы.

— Вы уже пришли, господин хороший, — весело крикнула она, махнув ему рукой. Капелька эля сорвалась с ее пальца и упала в траву. — Поместье вон за теми холмами. Только хозяина нет, уехал в столицу судиться. Дома одни бабы да мы, грешные.

Незнакомец перевел взгляд с нее на визжащую Клариссу. Уголок его рта дернулся в едва заметной усмешке. — Вижу, прием весьма теплый. Позвольте представиться. Мое имя Элиас. Я врач. Королевский инспектор санитарного надзора.

При слове «инспектор» баронесса Элеонора, до этого момента державшаяся в стороне, напряглась. Санитарный надзор означал проверки погребов, штрафы за антисанитарию и закрытие рынков. Кровь отхлынула от ее лица.

Инспектор Элиас обошел продолжающую причитать Клариссу, словно столб, и направился прямо к Изабелле. Он остановился в шаге от нее, возвышаясь на целую голову.

— Жарко сегодня, — заметил он, снимая перчатки. Его руки оказались мозолистыми, но чистыми, пальцы длинные и нервные. — Работаете в самое пекло. Не боитесь солнечного удара? — Мы привыкли, — пожала плечами Изабелла. Она смело посмотрела ему в глаза. Радужка у него была необычного оттенка — темная зелень с золотыми прожилками. — А вы приехали лечить наши болезни? У нас тут главная болезнь — бедность. Говорят, аспирин от нее помогает плохо.

Окружающие ахнули. Никто не смел разговаривать со столичными чиновниками в таком тоне. Обычно их встречали хлебом-солью и низко согнутыми спинами.

Элиас удивленно приподнял бровь. Затем он неожиданно присел на корточки прямо в дорожную пыль, оказавшись лицом к лицу с девушкой.

— Аспирин лечит жар тела, — спокойно ответил он, глядя ей в глаза. — Душевную лихорадку лечат другие средства. Например, правда. Или хорошая драка. Что предпочитаете, юная леди?

Изабелла моргнула. Впервые за долгое время кто-то заговорил с ней не как с красивой игрушкой или досадным недоразумением, а как с равным противником. Или союзником.

— Драка портит одежду, доктор, — серьезно ответила она. — Правда тоже бывает колючей. Давайте начнем с холодного пива. Оно примиряет с обоими лекарствами.

Она протянула руку и взяла полупустую кружку. Пена немного осела. Изабелла сделала глоток и, вопреки всем правилам приличия, протянула кружку ему.

— Ваше здоровье, инспектор.

Элиас мгновение смотрел на темные следы ее помады на краях глины. Затем взял кружку. Сделал глоток. Закрыв глаза, словно дегустировал дорогое вино. — Горькое, — констатировал он. — Честное. Гораздо лучше подслащенной отравы, которой поят короля в столице.

Он вернул кружку. Их пальцы соприкоснулись.

В этот момент мир для Изабеллы снова дрогнул. Теплая волна, которую она привыкла чувствовать при вспышках гнева, прокатилась по телу, но на этот раз она была иной. Она не несла разрушения. Она несла узнавание. Словно натянутая струна внутри нее, молчавшая семнадцать лет, вдруг зазвучала низким гулом, найдя ответную вибрацию в человеке, сидящем перед ней.

Элиас резко вдохнул. Его зеленые-золотые глаза распахнулись. Он посмотрел на свою руку, затем на ее лицо. В его взгляде промелькнуло понимание — быстрое, ясное и абсолютно пугающее. Так смотрит волк на другого волка через заросли папоротника.

— Интересный букет, — хрипло сказал он, отстраняясь и ставя кружку на землю. — Ноты дикой земляники, прелой листвы... и железа. Очень много скрытого железа.

Изабелла инстинктивно сжала кулаки. Железо. Металл церковей, оков и инквизиторских подвалов. Откуда он знает?

— Земляника осталась на завтрак, — парировала она, стараясь вернуть игривый тон. — Сейчас в основном терпкая вишня и немного соли. Пот, знаете ли. Трудовая честность.

Она засмеялась, разрушая наваждение. Смех вышел слегка натянутым, но остальные женщины подхватили его, решив, что шутка удалась. Напряжение спало. Баронесса Элеонора,

поняв, что чиновник отвлекся на сумасшедшую сироту, облегченно выдохнула и начала отдавать распоряжения служанкам о подготовке комнат.

— Сирота при ком работаете? — спросил Элиас, поднимаясь и отряхивая колени. Теперь он держал дистанцию профессионально. — При тетушке Марте, главной ткачихе, — ответила Изабелла. — Шью, вышиваю, иногда гоняю голубей с крыши амбара. Универсальный солдат. — Похоже на то, — кивнул он. — Передайте барону Себастьяну, когда вернется, что инспектор Элиас Торн прибыл с ревизией. И пусть готовит не только гостевые спальни, но и отчетность по запасам зерна. Болезни приходят туда, где гниет еда.

Он коротко поклонился — не дамам благородного происхождения, а всей компании разом — надел перчатки и пошел прочь по направлению к замку. Его шаги были тихими, но уверенными.

Изабелла смотрела ему вслед, пока красная голова не скрылась за поворотом тропы. Вишневая косточка, которую она катала во рту, показалась ей горькой.

— Какой мужчина! — томно вздохнула Розетта. — Сразу видно — порода. И взгляд умный. Не то что наши увальни. — Умный взгляд хуже всего, — задумчиво произнесла Изабелла, глядя на свои ладони. Кожа все еще покалывало там, где он коснулся ее пальцев. — От дурака знаешь, чего ждать. А умник всегда видит больше, чем ему показывают.

Она встряхнулась, отгоняя странное ощущение. Вечерело. Солнце начало окрашивать западные холмы в цвет запекшейся крови. Пора было идти домой, помогать Марте разбирать пряжу и слушать очередную нотацию о том, что девушке ее возраста давно пора думать о приданом, а не о вольном ветре.

Изабелла поднялась, подобрала пустую кружку и забросила ее на плечо.

— До завтра, лентяйки! — крикнула она женщинам. — Кто проспит рассвет — пойдет собирать улиток вместо винограда!

Она зашагала вверх по холму к приземистым строениям баронского двора. Внутри нее зрела глухая, непонятная тревога. Семнадцать лет она жила в убежище, считая свои странности даром природы или легким проклятием. Но появление доктора Элиаса Торна с его золотисто-зелеными глазами и нюхом на железо подсказывало: болото кончилось. Начинаются глубокие воды, и дно в них увидеть невозможно.

Вечер в доме ткачихи Марты всегда проходил одинаково. Пахло карболкой, сушеными яблоками и кошачьей шерстью. Дом был маленьким, прилепившимся задней стеной к внешней крепостной кладке. Две комнаты и кухня.

Марта, женщина широкая, как комод, с вечно недовольным, но справедливым сердцем, сидела у окна при свете масляной лампы. Ее толстые пальцы с невероятной скоростью мелькали, перебрасывая челнок ткацкого станка. *Тук-тук-тук* — станок пел свою вечную песню.

— Явилась, бродяжка, — буркнула она, не отрываясь от работы. Губы ее шевелились, отсчитывая нити. — Полдень минул уж как трижды. Брюхо набила на дармовых харчах, теперь спать завалишься? — Завалюсь, — согласилась Изабелла, падая на лавку у печи. Старый кот Марты, одноухий Пират, лениво открыл желтый глаз и подставил пузо. Изабелла почесала его, не вставая с места, пяткой босой ноги. — Устала, мам Март. День выдался длинный.

— Вино кислое было? — хмыкнула ткачиха. — Или опять с благородными лаялась? Видела я, как ты баронессину сестру до слез довела. Весь двор гудит. — Веер у нее сам сломался, — соврала Изабелла с самым невинным видом. — Сухое дерево. Климат у нас вредный для лакрицы.

Марта остановила станок. Положила челнок на бортик. Медленно повернула голову. Ее маленькие черные глаза буравили Изабеллу насквозь. — Белли. Девонька моя непутевая. Сколько раз я тебе говорила? Твоя удача — она как мышьяк. В малых дозах лечит, в больших

— хоронит. Сегодня веер, завтра балка на крыше рухнет. Люди начнут пальцами тыкать. Ведьмой назовут. А от «ведьмы» до «костра» дорога короткая, даже если костер из сырых дров.

Изабелла перестала улыбаться. Слова Марты попали точно в цель. Страх, который она заглушала смехом и элем, вернулся холодной иглой под ребра. — Я осторожна, Март. Клянусь. — Ты неосторожна в главном, — вздохнула старуха. — Ты сияешь слишком ярко. Для таких, как мы с тобой, серый цвет — лучшая защита. А ты ходишь по земле, как праздничная петарда. Рано или поздно фитиль догорит.

Она хотела добавить что-то еще, но в дверь постучали. Стучали властно, костяшками пальцев, а не робко, как делают соседи.

Изабелла и Марта переглянулись. Сердце девушки пропустило удар.

На пороге стоял Элиас Торн. Без шляпы, с растрепанными ветром волосами, освещенный сзади факелом стражника. В руке он держал кожаный саквояж. — Добрый вечер, — сказал он своим спокойным, рокошующим голосом. — Я ищу пациентку. Изабеллу.

Марта медленно поднялась, загородив собой проход. Свои семьдесят лет она несла как боевое знамя. — Здесь таких нет. Есть девица Мария, помощница моя. Если заболела — говори быстро, у нас йод дорог.

Элиас перевел взгляд на Изабеллу. Девушка сидела в тени, сливаясь с темнотой печи, но он смотрел прямо на нее. — Мария — плохое имя для девочки, которая собирает солнце в ладоши, — ровно заметил он. — Я пришел осмотреть вас. Приказ баронессы. Эпидемия дизентерии в соседних землях. Нужна перепись всех ослабленных организмов.

Это была неуклюжая ложь. Баронесса скорее бы собственными руками отравила колодец, чем пригласила врача к сироте.

— Я здорова, как племенной бык, — отозвалась Изабелла, выходя на свет. — Можете посмотреть на мои зубы. Ни одной дырки. — Зубы — не показатель внутреннего огня, мисс... Мария, — Элиас шагнул внутрь, оттесняя плечом растерявшуюся Марту. Саквояж он поставил на чисто выскобленный стол. — Жар земли полезен для лоз, но смертелен для людей. Откройте рот.

Он вынул из сумки длинную отполированную ложку из серебра.

Изабелла похолодела. Серебро. Инструмент контроля. Тот самый металл, которым пользовались те, другие люди в масках. Рефлексы сработали раньше разума. Она отступила на шаг.

— Не стоит, — тихо сказала она. — Я отлично себя чувствую.

Элиас замер. Ложка зависла в воздухе. Он медленно поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза. Золотистые искры в зелени его радужек вспыхнули ярче. — Боишься ложки, Мария? — спросил он вкрадчиво. — Или того, что отразится в металле?

Повисла тишину, густая, как смола. Было слышно, как потрескивает масло в лампе и как тяжело дышит за спиной Марта.

Изабелла заставила себя стоять неподвижно. Она посмотрела на серебряную ложку, потом на руки доктора. Мозоли. Чернила под ногтями. След ожога на большом пальце — след кислоты. Этот человек имел дело с реактивами. С алхимией.

— Аллергия, — нашлась она. — На серебро. Покрываюсь красной сыпью. Потом неделю чешусь, работать не могу. Экономический ущерб хозяйству.

Элиас долго изучал ее лицо. Казалось, он взвешивал каждое слово, каждый удар ее пульса, который, она была уверена, сейчас грохотал в комнате, как набат.

Затем он медленно убрал ложку обратно в сумку. Щелкнул замок. — Хорошо, — согласился он. — Будем считать пульс. Подставьте запястье.

Он шагнул вплотную. Изабелла почувствовала аромат его одежды — кожа, табак и что-то аптечное, вроде камфоры. Он взял ее правую руку своей — горячей, сильной. Перевернул ладонью вверх.

Его пальцы легли на синюю вену у основания большого пальца.

В ту же секунду Изабелла поняла, что совершила ошибку, позволив ему войти. Потому что в момент касания маска «королевского инспектора» дала трещину.

За долю секунды, пока его большой палец поглаживал ее кожу, она увидела. Не глазами — затылком, внутренним зрением. Темнота. Холод камня. Запах собственного страха. Маленькая детская ладонь, сжимающая кусочек золота. И эти самые пальцы — старше, увереннее, но с тем же шрамом на указательном — поворачивают ключ в огромном ржавом замке. Замок открывается со звуком, похожим на стон. Решетка отъезжает в сторону.

Мы виделись, — прошепестел голос в ее голове. Голос был его, но звучал иначе, глубже. — *Давно. Ты была меньше. Плакала.*

Изабелла вырвала руку так резко, что масляная лампа качнулась, грозя погаснуть.

— Пульс учащенный, — констатировал Элиас, делая пометку гусиным пером в записной книжке. — От жары. Рекомендую компрессы с уксусом на лоб. И меньше сидеть на солнцепеке. Ваша... бледность... обманчива. Вы легко получаете ожоги.

Он говорил правильные слова, медицинские термины, но смотрел на нее поверх своего блокнота с таким выражением, будто поймал редкую бабочку и теперь решает, пришпилить ее к картону ради коллекции или выпустить, потому что она может быть ядовитой.

— Спасибо за заботу, господин инспектор, — процедила Изабелла, скрестив руки на груди. — Ваши советы будут учтены. До свидания.

— До скорого, мисс... Мария, — он поклонился Марте, кивнул Изабелле и вышел.

Звякнул засов. Звук показался Изабелле ударом молотка по гробовой доске.

Марта подошла к столу. Поглядела на закрытую дверь. Посмотрела на ученицу. Ее лицо было белым как полотно. — Что это было, Белли? — прошептала она. — Святой Урбан, защити нас. Он знает. Он знает, кто ты.

Изабелла подошла к окну. Ночь полностью накрыла долину. В небе висел тонкий серп месяца, похожий на лезвие гильотины. Где-то внизу, в замковом парке, зажглись редкие фонари.

Она прижала ладонь к губам. Ладонь все еще помнила тепло его прикосновения.

— Я не знаю, кто я, Март, — честно ответила она, глядя в темноту. — Но кажется, скоро мне придется это выяснить. Игра в обычную девчонку закончилась. Доктор Торн приехал не за больными. Он приехал за мной.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.